

ВЕЛИЧКО Ю.В. (Екатеринбург)

ГОРНОРУДНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ УРАЛА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

К началу 40-х гг. XX столетия Урал был крупнейшим центром цветной и вторым по значению центром черной металлургии СССР, сырьевые потребности которых (кроме потребности в марганцевой руде) полностью покрывались местной горнорудной промышленностью. Часть добываемой руды вывозилась в другие регионы страны. Крупные рудники в значительной степени были оснащены технически. Вместе с тем доля ручного труда была высокой, а на мелких предприятиях отрасли — преобладающей.

Вскоре после нападения на Советский Союз гитлеровской Германии значение уральской металлургии и ее рудных баз для хозяйства страны резко возросло. К концу 1941 г. были потеряны Донецкий центр черной и ряд заводов цветной металлургии, территории, на которых прежде добывалось 71 % железной, 35 % марганцевой руды, половина бокситов. К тому же увеличились потребности оборонной промышлен-

ности в магнии, никеле, кобальте, редких металлах. Чтобы увеличить выплавку металлов на оставшихся в строю предприятиях, было необходимо расширить рудные базы вблизи от них. Использование дальнепривозного сырья из-за транспортных трудностей становилось все менее доступным.

Реализация задачи осложнялась рядом факторов: дефицитом квалифицированных кадров (в связи с увеличением производственных планов и мобилизацией рабочих в армию); дальнейшей милитаризацией экономики СССР (она достигла высокого уровня еще в предвоенные годы, что привело к резкому сокращению поступления на рудники производственной техники, запасных частей, инструмента, материалов); размещение на Урале большого количества эвакуированных предприятий и общий рост энергоемкости производства обострили проблему энергоснабжения отрасли (особенно пострадали медные рудники); чрезвычайная государственная экономия на нуждах народа привела к падению жизненного уровня большинства трудящихся отрасли до голодного минимума, что отрицательно сказывалось на их способности к труду.

При решении сырьевых проблем металлургии (как и в других случаях) партийно-государственное руководство первоначально уповало на администрирование, жесткий централизованный контроль, а также на традиционную большевистскую пропаганду и агитацию. Однако привычный стиль руководства привел только к кратковременному увеличению добычи, за которым последовал стремительный спад.

В конце 1941 — начале 1942 гг. положение отрасли стало критическим. План по горноподготовительным и вскрышным работам был повсеместно не выполнен, так как почти все наличные ресурсы прежде направлялись на увеличение добычи. Варварская эксплуатация оборудования при невозможности его замены и даже удовлетворительного ремонта, привела к росту аварийности и простоев. Хищническая эксплуатация месторождений испортила многие горные выработки. Наблюдалось истощение многих рабочих. Число побегов с производства резко возросло. Все это немедленно отразилось на металлургии: домны и другие агрегаты вынужденно переводились на тихий ход.

Политическое руководство СССР оказалось в состоянии понять: прежними методами в новых условиях решить хозяйственные задачи невозможно. Показательно уже то, что оно не инспирировало новые "разоблачения" "умышленных вредителей" и "диверсантов". С авгу-

ста-сентября 1941 г. в пропаганде и агитации, отесняя "классовые ценности", на передний план вышла наиболее популярная национально-патриотическая тематика. С осени того же года начинается постепенное ослабление мелочного контроля из центра и предоставление некоторой автономии местным руководителям всех рангов, а позднее и коллективам непосредственных исполнителей. Были сделаны также существенные отступления от прежней практики сверхцентрализованной социальной политики. В 1942 г. правительство официально санкционировало создание подсобных хозяйств предприятий, развитие огородничества рабочих и служащих, то есть то "разбазаривание" колхозных земель, против которого оно решительно выступило в 1940 г. Предприятия получили также права на организацию промысловых артелей (охотников, рыбаков, собирателей дикорастущих плодов), кустарных мастерских по производству простейшего ширпотреба, заготовок топлива, жилищно-бытовое строительство за счет внутренних резервов.

Изменения в практике руководства способствовали значительному развитию местных инициатив и через них мобилизации скрытых резервов. С середины 1942 г. заметно улучшилось обучение новых рабочих, выполнение ими производственных планов, расширилось движение изобретателей и рационализаторов, развернулось патриотическое соревнование (называвшееся социалистическим). Рудоуправления улучшили положение с ремонтом оборудования, а некоторые даже организовали собственное производство простейших механизмов, приспособлений, запасных частей, инструмента. С осени 1942 г. на ряде предприятий отрасли заметно ослабела острота продовольственной и жилищно-бытовой проблем. Однако указанные сдвиги были весьма неравномерны, ибо во многом они зависели от деловых качеств и сметки конкретных руководителей. Наибольших успехов в самостоятельной мобилизации внутренних резервов добились Высокогорский железный, Полуночный марганцевый, Блявинский, Дегтярский и Пышминский медные рудники. На бокситовых и никелевых рудниках положение также значительно улучшилось. Следует учесть, однако, что они с середины 1942 г. функционировали в условиях особого государственного протекционизма.

На Магнитогорском, Бакальских и Гороблагодатском железных рудниках положение длительное время оставалось напряженным. Первый и вторые стали жертвами жесткой централизации местного масш-

таба: их ресурсы настолько интенсивно перераспределялись дирекцией Магнитогорского металлургического комбината и Челябинским обкомом ВКП(б) в пользу строительства доменных печей и производства чугуна, стали, проката, что недостаток руды черная металлургия Южного Урала испытывала до конца 1944 г. Администрация Гороблагодатского рудоуправления при попустительстве Кушвинского РК ВКП(б) и содействии коррумпированного райотдела НКВД (перехватывавшего жалобы и "челобитчиков") вплоть до весны 1944 г. создавало видимость стабильной работы предприятия посредством приписок. Во всех трех случаях положение было выправлено только после энергичного вмешательства вышестоящих инстанций, которое, однако, последовало тогда, когда ситуация становилась критической, угрожающей срывом работы металлургических предприятий.

Ослабив мелочный контроль за выполнением государственных заданий отдельными предприятиями, центральные ведомства с середины 1942 г. сосредоточили внимание на стратегических вопросах. Были приняты меры по обеспечению важнейших рудников дополнительной рабочей силой, сделаны крупные капиталовложения в марганцевую, а затем в бокситовую, никелевую и железорудную отрасли. В пользу приоритетных в тот момент отраслей горнорудной промышленности были решительно перераспределены людские и материальные ресурсы хромитовых и большей части медных рудников. Указанные меры способствовали расширению сырьевых баз металлургии, хотя их проведение в жизнь и сопровождалось тяжелыми издержками, свойственными бюрократическому регулированию экономики.

Горнорудная промышленность Урала в целом справилась с возложенными на нее задачами. К моменту полного прекращения поставок марганцевой руды из Грузии (осень 1942 г.) урало-казахстанская марганцеворудная база была достаточно развита для того, чтобы предотвратить крах чугунолитейного производства. В 1943 г. она дала 511 тыс. т. руды — в 4 с лишним раза больше, чем в 1941 г. (56,7% всесоюзной добычи против прежних 5,4%). В 1942—1944 гг. Урал давал 85-91,4% союзной добычи железорудного сырья против 27-39% в 1940—1941 гг. По сравнению с 1940 г. объем добычи увеличился в 1944 г. на 22,8%. Однако при этом доля обогащенной руды и агломерата увеличилась с 30 до 73,8%. Североуральские рудники увеличили добычу бокситов в 5 раз и уже в 1944 г. превзошли всесоюзный уровень 1940 г. В 2,7 раза выросла добыча на рудниках "Южуралникеля".

Эти впечатляющие успехи были достигнуты ценой немалых жертв. Меднорудные шахты Свердловской области уменьшили добычу в 2,5 раза. Часть их была полностью выведена из строя (затоплена), остальным требовались большие средства на восстановление и ликвидацию подземных пожаров. Технический парк горнорудных предприятий к концу войны дошел до предельного физического износа. Многие годы после войны пришлось преодолевать последствия “селективной” (хищнической) эксплуатации ряда месторождений. Героический труд во имя Победы при крайне тяжелых производственных и бытовых условиях унес жизни и подорвал здоровье многих горняков. Даже среди наиболее выдающихся рабочих, обеспечение трудового процесса и быта которых осуществлялось по особым стахановским нормам, смерть в возрасте до 40-45 лет как следствие войны была явлением нередким.